

Проснёшься в четыре часа, на рассвете, вскакиваешь и с непривычки с размаху стучаешься о низкую притолоку широкой двери, выбегаешь из избы. Перед тобой — простор лагуны, холмы, густо покрытые разноцветьем трав: ромашка, клевер, звербой, душица, пижма. Красными всполохами украшает этот редкостный ковёр конский щавель. И ещё — цикорий, Иван-чай, Иван да Марья... Всё под ногами и на дальних холмах... И то, что видишь сейчас, в этот момент рассвета, не забудешь потом всю жизнь. Мир свежий, розоватый, всё становится коричневым, приобретая невероятное благород-

ство. А вот и солнце — мягкое, на него можно смотреть — медленно выплывает из-за макушек леса. Оттуда идёт чистое сияние. Над водой туман чуть поднялся, и солнце уже заглядывает в эту гладь, отражается, расплываясь желтком, и сверкает. По окоёму лагуны растёт трава триста. Она тонкими кончиками пушистит берег, оттеняя его, а в отражении на воде создаёт картину старинных кружев. Пронзительно летают ласточки. Они свили гнездо на чердаке избы и носятся вокруг, кормя своих птенцов.

Север. Солнце поднимается долго. Поэтому рассветом можно любоваться и любоваться, созерцая его.

Выносишь этюдник, прикрепляешь охристый лист французской бумаги «энгр». О, счастье! Рисуешь то, что у тебя перед глазами, выявляя самое главное, осознавая оттенки цвета, подчёркивая их жёстким контуром. Работаю пастелью — она кладёт пятно, даёт линию. Можно нарисовать прозрачно, а где-то — плотно.

Иногда ранним утром бредёшь на дальний холм, чтобы с нового места посмотреть вокруг. «Что, не спишь?» — это Егор Алексеевич выгоняет корову и коней пастись на луг около чудесной деревянной церкви. «Да. Такая красота — спать невозможно». «Приходи днём. Молока возьми». «Спасибо». И вот смотришь, Егор Алексеевич в своей серой выцветшей одежде, под стать цвету церкви и домов, уже на берегу. Шагнёт в моторку и быстро удаляется между островами, прочерчивая искрящуюся водную гладь.

Рисунок закончен. Пора чай пить. Спускаюсь к мосткам. Они покосившиеся, многие годы подправляемые. Поэтому разнообразны по ритмам приделанных серых досок и дощечек. Зачерпнёшь воды ведром — она уже как чай. Такой цвет дают падающие осенью листья с деревьев и растущие на дне водоросли. Самовар растапливает Анатолий Николаевич Ерин, удивительный фотограф-мастер пикторализма. Он отснял уже несколько плёнок, и теперь с ним можно поговорить, посмеяться его шуткам. Он и открыл нам эти места,

показал и научил любить Север России.

Днём все вместе: мой муж, художник Пётр Григорьев, сын Кузьма, тоже в обнимку с этюдником, Анатолий Николаевич с грудой фотоаппаратов, садимся в лодку и гребём по озеру к дальнему берегу. Лодка чёрная, просмолённая, сделана местными умельцами. На другом острове тоже красивые места. А зайдёшь в лес — насобираешь большущих подберёзовиков, подосиновиков, белых и, конечно же, серушек. Серушки любят все кенозерцы. Они хороши для засолки на зиму.

Днём рисую холмы, залитые солнцем, и пространство над ними с удивительным огромным небом и грядами облаков — они то плывут, постепенно увеличиваясь, то рассыпаются маленькими пёрышками...

А земля как Рыба-кит. На её теле и малютка-церковь с крестом на куполе, и три молчаливых сосны подле, и крепкие избы бесхитростной архитектуры, и простые ограды для единственной здесь коровы и нескольких лошадей. Всё маленькое издали, чуть сверху, с холма. А вот и хвост — на нём купы деревьев, в проёме виднеется поле, дальше лес. Так и лежит покойно тело Рыбы-кит в кенозерской воде, не шелохнётся.

Эх, Рыба-кит, только не предупредил нас Анатолий Николаевич, что уж пососут нас упрямо эти вечные комары и оводы...